

НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

М.А. Арутюнова*

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В СССР И ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассмотрены особенности языковой политики в СССР и государствах постсоветского пространства. Выявлены сложные взаимоотношения между государственным языком СССР и национальными языками союзных республик, показана важность учета языкового многообразия и проблем национальной идентичности. Раскрыты факторы, определяющие статус и особенности применения русского и национальных языков в постсоветских государствах, рассмотрен процесс взаимовлияния государственной и языковой политики. Специфика языковой политики в этих странах показана в контексте проблем функционирования и особенностей статуса русского языка. Отмечено, что страны бывшего СССР и в дальнейшем будут иметь много общего в языковом развитии.

Ключевые слова: постсоветское пространство, языковая политика, языковая ситуация, национальная политика, многонациональное государство, национальная идентичность, языковой вопрос, языковой плюрализм, национальный язык, государственный язык, официальный язык, родной язык, язык межнационального общения, лингвокультурное сообщество.

Языковая политика всегда является органической частью общеполитического курса государства, «будь то внутренняя политика по отношению к тем или иным классам или социальным группам в национально-гомогенном государстве или внешняя политика в отношении тех или иных стран или групп стран, или же, наконец, *национальная политика в многонациональном государстве*» [49, с. 8].

Языковая политика, являясь составной частью государственной национальной политики, отражает и отношение власти к языковому вопросу, а также степень автономии народов. Государство, обычно заинтересованное в сохранении существующей языковой ситуации, может изменить ее в пользу политической стабильности и защиты национальной идентичности различных групп населения. Самым оправданным и эффективным способом оказывается распространение единого государственного языка. В многонацио-

* Арутюнова Марина Араиковна — старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ama.fmp.msu@mail.ru).

нальном государстве он прежде всего призван обеспечить взаимопонимание между народами, которые, становясь двуязычными (часто вынужденно), усматривают в этом элемент принудительности, что задевает национальные чувства многих людей. В подобных случаях языковые проблемы связываются с национальными и приводят к политической нестабильности, часто сопровождающейся конфликтами, в том числе языковыми, хотя во многих развитых странах (так было и в СССР) власти в решении всех противоречивых вопросов обычно стараются прийти к разумному и безболезненному компромиссу, когда миноритарные языки (как национальные, так и языки народностей) пользуются многими правами государственного языка: на них открываются школы, театры, издаются газеты и журналы, их используют в местном самоуправлении, радио- и телевидении и даже в выборах.

По-иному сложилась судьба русского языка. После распада СССР он утратил статус государственного языка и языка межнационального общения, а в настоящее время в некоторых республиках постсоветского пространства либо вообще не имеет определенного статуса, либо признан языком «неграждан». Только взвешенная языковая политика способна обеспечить наиболее подходящий в каждой конкретной стране научно обоснованный подход к решению столь важного вопроса, как определение статуса русскоязычного населения постсоветских стран и статуса русского языка.

В настоящее время актуальность и острота вопроса очевидны, поэтому, опираясь в первую очередь на нормативные документы, а также научные исследования в области национально-языковой политики, в данной статье мы поставили цель проанализировать языковую политику именно на постсоветском пространстве. Однако подобный анализ, с нашей точки зрения, невозможен без учета соотношения политики и языка в СССР, поскольку бывшие союзные республики на протяжении нескольких десятков лет составляли не только единое геополитическое, но и единое языковое пространство, поэтому еще определенное время могут сохранять много общего в языковом развитии.

* * *

В годы советской власти языковая политика была одним из центральных элементов национальной политики. Именно поэтому любое изменение государственного и партийного курса в отношении стратегии взаимодействия с народами, населявшими СССР, трансформировало саму природу понимания языкового вопроса. К тому же помимо неоднородности советской языковой политики, взятой в диахронном срезе, в ее рамках существовали неизбежные различия формального официально-идеологического компонента, с одной стороны, и конкретно-практической управленческой со-

ставляющей — с другой, соотносимые друг с другом как должное и сущее¹.

В первые годы утверждения и развития советской власти (вплоть до конца 1920-х годов) отношение государства к вопросу государственного языка и степени языковой автономии народов, населявших страну, определялось подчеркнуто плюралистическим подходом, лежавшим в контексте концепции пролетарского интернационализма. Теоретические основы разработки языковой политики и обоснование характера должного отношения к ней социалистического государства нашли отражение в комплексе работ В.И. Ленина по национальному вопросу, создание большей части которых пришлось на период с 1912 по 1914 г. Квинтэссенцией этого подхода стало содержание небольшой статьи В.И. Ленина «Нужен ли обязательный государственный язык», в которой, в частности, сказано: «Мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной» [24, с. 292]. Обратный этому подход, базирующийся на понимании «единства власти» как основы государственности, а государственного языка — как «орудия этого единства», подвергся критике как выражение идеологии великодержавности и национализма доминирующего этноса [24, с. 291]. Конкретно-практическое выражение ленинской идеи языкового плюрализма заключалось в соблюдении двух основополагающих принципов: *политического*, закреплявшего «отсутствие обязательного государственного языка», и *культурно-педагогического*, состоявшего в преподавании «на всех местных языках» [24, с. 292].

Первый принцип был выражен в Декларации прав народов России 1917 г., провозгласившей «равенство и суверенность народов России», равно как и «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп», что открывало путь к практической реализации ленинской концепции национального и языкового плюрализма.

Второй принцип был отражен в Программе Российской коммунистической партии (большевиков), принятой на VIII партийном съезде в марте 1919 г. РКП(б) рассматривала школу как «орудие коммунистического перерождения общества», а одним из основных условий полноценной реализации коммунистических идей определяла «полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке». Система ликвидации безграмотности, внедрение которой началось с изданием Декрета

¹ Изучению языковой политики как стратегического направления деятельности государства посвящен значительный ряд научных исследований и крупных конференций последних лет [см., например: 14; 22; 47].

СНК РСФСР от 26 декабря 1919 г., конкретизировала данное положение, обязав к всеобщему обучению грамотности с правом выбора обучающимся русского или родного языка.

Как следствие Конституция РСФСР 1918 г. также была лишена каких-либо упоминаний о наличии единого государственного языка, но вводила в 5-й главе в качестве одного из основополагающих принципов советского государства равенство граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности.

Именно с того момента с *формально-юридической* точки зрения советское руководство сознательно отказалось от правовой категории «государственный язык». В дальнейшем ни одна из советских Конституций не содержала никаких специфических положений по этому вопросу. Вместе с тем в первой Конституции СССР 1924 г., хоть и не прямо, но де-факто был утвержден перечень *официальных* языков — языков государственного управления и делопроизводства. В 24-й статье Конституции русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский и «тюрко-татарский» (современный азербайджанский) языки определены в качестве общеупотребительных, поэтому публикация на них всех нормативных правовых актов, имевших общесоюзное значение, стала обязательной. Дополнительный статус этим шести языкам придавал и факт их использования в государственной символике, что было установлено 70-й статьей Конституции. С того же момента и до распада СССР на советских денежных знаках можно было видеть обозначения на официальных языках союзных республик. Таким образом, именно с 1924 г. на государственном уровне была признана возможность использования каких-либо других языков, отличных от русского, что резко контрастировало с официально проводимой политикой русификации.

В последующие годы перечень официальных языков СССР начал расти. После образования в середине 1920-х годов Туркменской и Узбекской ССР, а затем выделения из состава последней Таджикской ССР в Конституцию СССР в 1931 г. были внесены поправки, расширившие перечень языков Союза узбекским, туркменским и таджикским соответственно.

Помимо этого активно развивались сами языки различных народностей Советского Союза. Некоторые бесписьменные языки малых народов Кавказа, Сибири, Дальнего Востока и других регионов страны получили собственную письменность, созданную на основе кириллицы, внедрение которой шло путем издания специфической для данных лингвокультурных сообществ периодики и литературы. Параллельно с этим проходила реформа ряда сложившихся языков: начиная с реформы русской орфографии 1918 г. и заканчивая внедрением «Нового алфавита» среди тюркоязычных народов, в целом завершившимся к концу 1930-х годов. Дорогу

подобным реформам открывал низкий уровень грамотности среди населения страны, поэтому для большей части людей (исключая интеллигенцию) изучение уже измененных норм происходило впервые, что не требовало коренной перестройки сознания.

После завершения эпохи внутривластной борьбы и обретения И.В. Сталиным роли единоличного лидера советского государства языковая политика, равно как и политика национальная, приобрела двойственный характер.

В официально-идеологическом плане ленинский тезис о языковом плюрализме не был изменен. Еще в 1929 г. И.В. Сталин утверждал, что «период победы социализма в одной стране не дает условий, необходимых для слияния наций и национальных языков, что, наоборот, этот период создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом» [41, с. 345]. Непременным условием культурной революции И.В. Сталин тогда считал развитие языков народов Союза: «Миллионные массы народа могут преуспевать в деле культурного, политического и хозяйственного развития только на родном, на национальном языке» [41, с. 355].

Конституция СССР 1936 г. также не противоречила концепции языкового плюрализма. Во-первых, в правовой дискурс было внедрено понятие языка территориальной единицы Союза: союзной республики, автономной республики и автономной области. Обязательным к использованию такой язык оказывался в рамках судопроизводства в пределах соответствующей территориальной единицы, что, впрочем, не препятствовало праву пользования родным языком, равно как и праву сторон процесса прибегать к услугам переводчика в случае такой необходимости. Помимо этого законы СССР необходимо было переводить на все языки союзных республик. Во-вторых, в Конституции было также провозглашено право граждан СССР на получение *школьного* образования на родном языке. В-третьих, обозначения на языках союзных республик по-прежнему были обязательными в государственной символике. Тем самым положения Конституции 1936 г. по вопросам языковой политики имели лишь то принципиальное отличие, что окончательно закрепляли право определения статуса языка за входящими в Советский Союз политико-территориальными образованиями.

Однако этот формально-правовой аспект не всегда соответствовал реальной политической практике. С 1930-х годов провозглашенный В.И. Лениным баланс русского и национальных языков территориальных единиц Союза постепенно нарушался.

Политика ликвидации безграмотности, направленная в первую очередь на взрослое население страны, принесла свои ощутимые плоды уже к концу второго десятилетия советской власти. В связи с этим новой главной целью становилось поддержание соответств-

ющего образовательного уровня в среде подрастающего поколения, для чего с 1930 г. начали внедрять систему всеобщего обязательного начального обучения. Место русского языка в образовательном стандарте окончательно было определено 13 марта 1938 г. в связи с изданием Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Это решение поставило точку в длительной внутривнутрипартийной полемике о роли языка в развитии советского общества, проходившей в контексте более масштабной идеологической дискуссии о приоритетности мировой революции или социалистического строительства в рамках одной страны, где победу одержал поддерживаемый И.В. Сталиным второй подход.

В 1940—1950-е годы утвердившаяся в СССР языковая политика оставалась неизменной: несмотря на развитие национальных средств массовой информации (национальной периодики, радио- и телевидения), русский язык был доминирующим, причем усиливал свои позиции в национальных республиках. Способствовали этому и такие меры, как унификация письменности народов СССР, перевод на рубеже 1930—1940-х годов знаково-символьных систем национальных языков на кириллическую основу и свертывание эксперимента по внедрению «Нового алфавита» с латинской графической основой.

В результате фактический доминирующий статус русского языка был окончательно закреплён в рамках очередной Программы Коммунистической партии Советского Союза, утвержденной на XXII съезде КПСС в 1961 г. Фактический статус русского языка как первого среди равных языков СССР получил идеологическое обоснование в виде формулы «языка межнационального общения», а его освоение (в процессе «добровольного изучения») должно было способствовать «взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре» [36].

Возможность «пользоваться родным языком и языками других народов СССР» наряду с правом «обучения в школе на родном языке» гарантировала Конституция 1977 г.; вместе с тем граждане страны, исходя из чисто практических соображений, чаще всего делали выбор в пользу русского языка, поскольку его изучение не только способствовало увеличению объема коммуникационных возможностей человека, но и открывало для него большее число социальных перспектив. При этом в послевоенном Советском Союзе происходила интенсификация процессов перемещения граждан по стране (ввиду переезда крестьянства в города после ввода паспортной системы, армейских передислокаций, существовавших практик послевоенного распределения и т.д.), поэтому русский язык начал укреплять свой статус универсального средства

общения народов. Невозможность быстрой языковой переподготовки в условиях нового места жительства (зачастую — отдаленного от места рождения) вынуждала людей обращаться для повседневной коммуникации к наиболее широко распространенному языку. В результате представители русской народности продолжали использовать свой родной язык, а прочие народы СССР адаптировались к существовавшей реальности, что, впрочем, не вызывало особых трудностей по причине общеобязательного характера изучения русского языка в советских школах.

В 1979 г. на международной конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР» Л.И. Брежнев заметил, что «в условиях развитого социализма, когда экономика нашей страны превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, возникла новая историческая общность — советский народ, объективно возрастает роль русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека» [45, с. 32]. И в значительной степени это было правдой, ведь вопрос непреодолимого языкового барьера в рассматриваемый период отсутствовал как таковой: начиная с поколения рубежа 1920—1930-х годов происходило не только сокращение неграмотного населения, но и возрастание числа людей, воспринимавших русский язык в качестве своего родного. Фактически речь шла о формировании подлинно гражданской нации, официально именуемой *советским народом*, в значительной степени подобной многонациональной американской нации, но вместо английского языка использовавшей русский. Эти наблюдения подтверждаются также статистическими данными послевоенных советских переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг. (таблица)².

Статистика владения русским языком в Советском Союзе

Показатели	Годы		
	1970	1979	1989
Население СССР (млн человек)	241,7	262	286,7
Русский язык (родной, абс. значение, млн человек)	141,8	153,3	163,5
Русский язык (родной, относ. значение, %)	58,7	53,5	57,0
Русский язык (свободное владение, абс. значение, млн человек)	41,9	61,1	69
Русский язык (свободное владение, относ. значение, %)	17,3	23,3	24,1
Русский язык (суммарно, абс. значение, млн человек)	183,7	214,4	232,5
Русский язык (суммарно, относ. значение, %)	76,0	81,9	81,4

² Подготовлено по материалам: [2; 29; 30; 46].

Несмотря на постоянный прирост численности населения Советского Союза (за 19 лет — почти на 45 млн человек), доля представителей русской и иных народностей, воспринимавших русский язык в качестве родного, по отношению к общему числу советских граждан в среднем составляла около 55%, при этом происходил прирост иных народностей, свободно владевших русским языком, почти на 7% (с 17,3 до 24,1%). Именно за счет этого увеличивалось число советских граждан, способных использовать русский язык в повседневной жизни на регулярной основе. В 1980-х годах этот показатель стабилизировался на уровне 81% всего населения СССР (для сравнения: в США лишь в 2007 г. число свободно говорящих на английском языке приблизилось к 80% общей численности населения) [54].

Широкий спектр точек зрения на советскую языковую политику включает среди прочих положение, согласно которому советская власть проводила политику насильственной русификации союзных республик. Вместе с тем однозначно принять это положение нельзя: язык является не только средством *общения*, но и основой *мышления*, существования человека как личности, поэтому изменение языковой идентичности индивида фактически равнозначно трансформации его субъектности. Языковая свобода наряду со свободой совести — одна из фундаментальных основ человека как разумного существа, поэтому непосредственное вмешательство государства в эту сферу минимально. В этой связи широкое использование русского языка в Советском Союзе было не в последнюю очередь следствием выбора граждан на этапе их включенности в состав окружающей лингвокультурной среды, а уже потом — производной целенаправленных действий государства. Перестройка языковой идентичности — вопрос смены многих поколений, поэтому языковая политика в состоянии лишь задать общие направления движения, эффект от которых проявляется только через десятилетия. Так, русский язык приживался там, где его готовы были принять, и, напротив, несмотря на все усилия государственного аппарата, отторгался коренным населением тех регионов, которым он был изначально чужд. Именно с этих позиций наиболее логичными представляются успехи в распространении русского языка в Казахской или Киргизской ССР, резко контрастирующие с положением в Литовской или Эстонской ССР.

Советская власть в послевоенные годы не прекращала поддержку национальной печати, прессы, радио- и телевидения, не преследовала граждан на основании их принадлежности к определенной языковой группе, поэтому вместо тезиса о насильственной русификации Советского Союза, возможно, следует принять идею русификации эволюционной как естественного процесса взаимо-

влияния общественных интересов и государственной политики, тем более что наряду с представителями русской народности в среде номенклатуры было много выходцев из союзных республик.

Начало «перестройки», сопровождавшееся ослаблением роли и авторитета союзного центра, обострило внутриэлитные противоречия в союзных республиках, которые стали использовать языковой вопрос в целях обоснования необходимости предоставления им национального суверенитета. Интересно отметить, что первыми союзными республиками, провозгласившими за собой такое право, стали именно Эстонская (1988), Латвийская (1989), Литовская (1989) и Грузинская (1990) ССР, т.е. республики, имевшие отличную от кириллической письменность и, как следствие, в наименьшей степени ощущавшие лингвокультурную связь с государством в целом (данная тенденция также была характерна для стран Восточной Европы [7]).

Ответом союзного центра стала попытка проведения более жесткой языковой политики. Так, 24 апреля 1990 г. вышел Закон СССР «О языках народов СССР», в котором впервые за всю историю советской власти русский язык был провозглашен *официальным* языком Советского Союза. Интересно, что в условиях начавшихся центробежных процессов руководство страны не решилось придать русскому языку статус *государственного*, опасаясь, по всей видимости, восприятия подобного шага в союзных республиках в качестве попытки подрыва их суверенитета. Формулировка Закона была созвучна с положениями Конституции 1977 г.: «С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач русский язык признается на территории СССР официальным языком СССР и используется как средство международного общения» [10].

При этом в 4-й статье Закона указано, что «при определении правового статуса языков не допускается ущемление права граждан СССР использовать в различных сферах государственной и общественной жизни свой родной язык и другие языки народов СССР» [10]. Данный нормативный правовой акт просуществовал немногим более полутора лет, но сам факт его принятия в тот сложный для страны период показывал важность обращения к языковой политике для разрешения нараставших национальных противоречий.

Однако если союзный центр рассматривал ориентацию на русский язык как ключевой консолидирующий фактор, то для республиканских национальных элит языковая политика, основанная на отказе от государственного статуса русского языка, была базовым принципом в деле их политического самоутверждения после распада Советского Союза (данный феномен стал предметом научного

изучения с конца 1990-х годов [см., например: 15; 46]). Поскольку обращение к языковому вопросу является наиболее простым механизмом национальной дифференциации по признаку «свой» и «чужой», отмежевание от всего советского, включавшего в том числе «язык интернационального общения», приобрело на постсоветском пространстве характер стандартной политической практики начала 1990-х годов [32].

Несмотря на тот факт, что численность русскоязычного населения в большинстве бывших советских республик была сопоставима с числом носителей местных языков, существовавший в СССР на протяжении более 70 лет принцип языкового плюрализма новые независимые государства стали отвергать [23].

Наиболее остро ситуация на протяжении последних 20 лет обстоит в **Туркмении**. Президент Сапармурат Ниязов (1990—2006), взявший в национальной политике курс на построение мононационального туркменского государства, законодательно лишил русский язык статуса государственного или даже официального. Лишение государственного финансирования русскоязычных средств массовой информации и печати, запрет на ввоз русскоязычной литературы и прессы, а также перевод всего образования на туркменский язык, равно как и перевод письменности последнего с кириллицы на латиницу, — все это должно было создать условия для преимущественного развития носителей туркменского языка. Вплоть до 2007 г. изучение русского языка в Туркмении возможно было только в школе при российском посольстве в Ашхабаде [40]. В этих условиях наиболее малочисленная на постсоветском пространстве русскоязычная диаспора вынуждена либо приспособливаться к новой жизни, либо покидать страну. Гурбангулы Бердымухаммедов, продолжив в основных чертах национальную политику предшественника, тем не менее разрешил преподавание русского языка в туркменских школах, что, впрочем, лишь в малой степени способствовало его возрождению в этой стране.

Достаточно остро проблема русского языка стоит в странах Балтии (за исключением Литвы, где число русских составляет менее 6% и языковой вопрос фактически уже не актуален) [26]. Ввиду изначальной малочисленности коренного населения Латвии и Эстонии, а также экономической привлекательности данных республик в годы советской власти иммиграция в них русскоязычного населения из РСФСР была достаточно активной, вследствие чего после развала СССР сложилась ситуация, при которой число коренных латвийцев и эстонцев было примерно сопоставимо с количеством русских жителей. Тем не менее политические элиты этих стран предпочли отказаться от идеи многонациональных государств-наций, провозгласив языковой монизм основополагающим

принципом национальной политики, а русский язык — не более чем языком меньшинства без какого-либо официального статуса.

В Латвии следствием такого подхода стало появление особой категории лиц-апатридов, именуемых в соответствии с Законом от 12 апреля 1995 г. «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства» термином “nepilsoņi”, т.е. «неграждане». Отказ от натурализации посредством сдачи экзамена на латышский язык ведет к ущемлению подобных лиц в политических правах, в частности в праве голосовать и быть избранными. При этом значительное число «неграждан» по разным причинам не желают проходить процедуру натурализации (что требует перехода на позиции двуязычия), поэтому в стране сохраняется ситуация острой национально-языковой напряженности, что сказывается и на характере российско-латвийских отношений. 18 февраля 2012 г. в Латвии прошел референдум о внесении поправок в Конституцию, присваивающих русскому языку статус второго государственного. Поправки могли быть приняты, если бы за них проголосовали как минимум 771 893 гражданина Латвии — половина всего населения, имеющего право голоса. Результат референдума — 75% проголосовали против. Однако его инициаторы уверены, что добились главного: вопрос о правах русскоязычного меньшинства в стране получил общеевропейскую известность.

Таким образом, русский язык в Латвии ныне находится в специфическом транзитном состоянии: не являясь государственным, он остается родным для значительной части населения, что также не позволяет ему закрепиться в статусе иностранного [12].

Ситуация в Эстонии менее напряженная, чем в Латвии (что, в частности, подтверждается более широким распространением практики преподавания русского языка как иностранного в образовательных учреждениях [28]), поскольку в этой стране к лицам-апатридам относится только взрослое население, в то время как любой младенец автоматически получает эстонское гражданство. Основное условие для натурализации «неграждан» аналогично латышскому — сдача экзамена на знание эстонского языка. При этом, в отличие от Латвии, русский язык, хоть и не является официальным, может использоваться на муниципальном уровне в тех случаях, когда компактно проживающие русскоязычные граждане составляют более половины населения муниципалитета. Языком же государственного управления остается эстонский, причем осуществлением надзора за его использованием в сфере публичного администрирования в Эстонии с 1990 г. занимается специальная структура — Keeleinspektsioon (букв. — «языковая инспекция») [53], в чью компетенцию входит применение мер административного принуждения к должностным лицам, нарушающим респуб-

ликанское языковое законодательство (наиболее характерным проступком является ведение делопроизводства на русском языке [51]), или же обнаружение государственных служащих, включая работников бюджетной сферы (чаще всего учителей), не знающих эстонского языка [16].

Не определен статус русского языка в **Грузии** и **Азербайджане**: его активно используют в быту представители старшего поколения, однако молодежь практически не испытывает к нему интереса. Ни в той, ни в другой стране не существует препятствий для изучения русского языка как второго иностранного в школах и университетах [1], однако с падением Советского Союза большая часть социально активной части населения этих государств ориентируется на сближение с Западом, а не Россией [31]. Как следствие — внимание не к русскому, а к английскому языку (особенно справедливо это в отношении Грузии, которая после событий августа 2008 г. не имеет дипломатических отношений с Москвой и движется в направлении евроатлантической интеграции). Теле- и радиовещание на русском языке в Грузии и Азербайджане сохраняется в ограниченном объеме, однако широко представлена русскоязычная издательская и периодическая продукция. Кроме того, благодаря широкому распространению Интернета жители стран имеют возможность самостоятельно выбирать материалы на том языке, который им представляется наиболее значимым.

По данным Института Гэллапа³ [52], русскому языку в повседневном общении отдают предпочтение лишь 6% граждан Азербайджана и 7% граждан Грузии, в то время как азербайджанский и грузинский языки используют 94 и 92% населения соответственно, что показывает серьезное снижение значения русского языка в Закавказье.

Интересно отметить ситуацию в **Абхазии** и **Южной Осетии**, признанных Россией в качестве независимых государств. Отмежевание от Грузии и поддержка со стороны Москвы дали возможность этим регионам придать русскому языку официальный статус. В 6-й статье Конституции Абхазии указано, что государственным языком страны является абхазский, в то время как «русский язык наряду с абхазским признается языком государственных и других учреждений» [19]. В Южной Осетии 13 ноября 2011 г. состоялся референдум по вопросу придания русскому языку статуса государственного вместо текущего официального. По окончательным результатам, пред-

³ Американский институт общественного мнения, основанный Дж. Гэллапом в 1935 г. Проводит регулярные опросы населения по проблемам внутренней и внешней политики, пользуется международным авторитетом как один из наиболее надежных источников информации о состоянии общественного мнения в США и в мире.

ставленным ЦИК Южной Осетии, из 23 737 принявших участие в референдуме избирателей 19 797 (83,4%) проголосовали «за», 3902 (16,44%) — «против».

Ситуация с русским языком в **Армении** обстоит не лучшим образом. На сегодняшний день русскоязычная община страны составляет лишь несколько тысяч человек, сконцентрированных в основном в Ереване и не представляющих собой значимую социальную группу. После крушения СССР подавляющее большинство русских жителей Армении переехали в Россию, ввиду чего республика фактически стала полностью моноэтнической, а следовательно, и русский язык постепенно утратил значение языка межнационального общения. Именно поэтому, несмотря на близкие отношения политических элит России и Армении, использование русского языка теперь остается уделом поколения, прошедшего советскую школу, в то время как молодежь преимущественно выбирает для изучения и межличностного общения армянский язык. Исследования Института Гэллапа подтверждают это: в повседневной жизни 97% граждан республики пользуются национальным языком; хотя более 75% родителей полагают, что знание их детьми русского языка в качестве второго является очень важным [52]. Как следствие — искусственных ограничений для изучения русского языка по желанию учащегося в образовательных учреждениях Армении фактически не существует [5].

В чуть более выгодном положении находится русский язык в **Узбекистане**, однако и там есть определенные трудности. Если после распада СССР русский язык некоторое время существовал на правах *официального* языка республики наряду с узбекским, имеющим статус *государственного* (как этого требовал еще советский республиканский «Закон о языках» 1989 г.), то с 1995 г. единственным языком государственного управления и делопроизводства стал узбекский. Русский язык был переведен в статус одного из языков национальных меньшинств, несмотря на достаточно большую русскоязычную общину Узбекистана. Одним из условий принятия на государственную службу является знание узбекского языка, что закрывает путь во власть представителям отличной от титульной нации.

Вместе с тем, за этим исключением, на практике притеснения русскоязычных граждан республики не происходит, поскольку они сохраняют за собой право обращения в муниципальные органы и государственные структуры на любом языке, не испытывая при этом значительных затруднений. В стране существует русскоязычное теле- и радиовещание, преподавание на русском языке (особенно в высшей школе), но тенденция к сокращению не только русскоязычных школ, но и количества часов для изучения русского

языка продолжается. Что же касается образовательных стандартов, то они все больше тяготеют к трактовке русского языка как иностранного. Узбекистан, в отличие от Грузии и Азербайджана, лишен прозападной внешнеполитической ориентации, поэтому молодежь и городское население все еще активно изучают русский язык (более 80% студентов владеют им и более 40% определяют в качестве родного), что не в последнюю очередь связано с большими социально-карьерными перспективами, открывающимися в России.

В Конституции **Таджикистана** во 2-й статье единственным государственным языком определен таджикский, русский же язык указан в качестве «языка межнационального общения» [17]. Вплоть до 2009 г. это означало сохранение в республике принципа билингвизма, когда гражданин был волен самостоятельно выбирать наиболее подходящий язык для использования в органах государственной власти, не испытывая при этом каких-либо значимых ограничений. Однако в свете похолодания российско-таджикских отношений с середины 2000-х годов президент Эмомали Рахмон взял курс на укрепление национального суверенитета, вследствие чего 7 октября 2009 г. был принят президентский проект Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» [37]. Определяя таджикский язык в качестве «государственного языка Республики Таджикистан», Закон устанавливает, что «гражданин Республики Таджикистан обязан знать государственный язык» [37, ст. 3]. Тем самым русский язык оказался вытеснен из сферы республиканского публичного администрирования, поскольку «делопроизводство законодательных, исполнительных и судебных органов в Республике Таджикистан осуществляется на государственном языке» [37, ст. 6]. Вместе с этим была прекращена и публикация нормативно-правовых актов на двух языках. Новые законодательные инициативы президента вызвали неоднозначную реакцию в обществе, поскольку Таджикистан остается многонациональным государством, в котором представители титульной нации составляют менее 3/4 населения страны, а совокупное число узбеков, киргизов и русских превышает 25%. Использование русского языка этой группой лиц в межкультурной коммуникации является вполне естественным, поэтому на сегодняшний день в республике наблюдается повышенный уровень национально-языковой напряженности.

В настоящий момент не испытывает значительных проблем русскоязычное население в **Киргизии**, в которой сохранилась заложенная еще советской языковой политикой практика [33]. Данные Института Гэллага свидетельствуют о том, что в этой стране русский язык в быту используют 38% граждан, а предпочтение киргизскому отдают 52% населения (оставшиеся 10% приходятся на

узбекский, таджикский и другие языки региона) [52]. Это позволяет включить Киргизию в четверку стран постсоветского пространства по степени развитости русского языка после Казахстана, Украины и Белоруссии [см., например: 50]. В республике проживает одна из крупнейших русских общин за рубежом, составляющая более 400 000 человек, а русский язык, согласно Закону «О государственном языке Киргизской Республики» от 12 февраля 2004 г. [9], определен *официальным* (в то время как киргизский — *государственным*). На практике принципиального различия между этими двумя статусами не существует, поскольку в том же Законе установлена недопустимость «ущемления прав и свобод граждан по признаку незнания государственного или официального языка». Использовать государственный язык обязаны только высшие должностные лица республики, в то время как рядовым государственным служащим достаточно «знать государственный язык в объеме, необходимом для исполнения своих должностных обязанностей» [9, ст. 8—9]. Делопроизводство в Киргизии ведется либо на государственном, либо на официальном языке, в зависимости от обстоятельств.

Следствием подобной политики является широкое употребление русского языка в средствах массовой информации, образовательных, экономических, научных, культурных учреждениях. Вместе с тем после апрельского переворота 2010 г., прихода к власти Социал-демократической партии Киргизии и провозглашения Розы Отунбаевой «президентом Киргизии переходного периода» началась ревизия республиканского законодательства. В частности, Р. Отунбаева предлагает отказаться от преподавания в школах на русском языке, утверждая необходимость «коренным образом реформировать языковую компоненту <...> образования. Дети всех национальностей после начальной школы должны владеть кыргызским языком» [35]. В среднесрочной перспективе вполне вероятной представляется переориентация модели языковой политики Киргизии по таджикскому или узбекскому образцу с учетом характера миграционных потоков и естественной убыли русского населения страны.

В действующей Конституции Республики **Казахстан**, принятой 30 августа 1995 г. по итогам референдума, русский язык признан официальным и уравнен в правах с казахским: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Различия статуса государственного казахского и официального русского языка не являются в республике принципиальными, поскольку в экономике, политике, науке, средствах массовой информации используются оба. По сравнению с другими странами СНГ (кроме Белоруссии), Казахстан сохранил фундаментальные основы советской языковой

политики, строившейся на плюралистических принципах. Гарантирует это и Конституция, содержащая положение, согласно которому «государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана». Следствие такого подхода — юридический и фактический билингвизм страны [43], причем казахский язык оказывается даже в менее выгодном положении, поскольку инкорпорирование республики в мировую экономику происходит в тесном контакте с Россией, и русский язык становится основным языком бизнес-процессов и технологического развития [6]. В результате в 2008 г. в быту более 68% граждан республики отдавали предпочтение русскому языку, а казахский использовали лишь 32% [52].

В Молдавии после распада Советского Союза и вплоть до рубежа 1990—2000-х годов русский язык обладал статусом государственного благодаря большой численности русскоязычного населения (по разным оценкам, от 13 до 20%). В повседневной жизни около 23% граждан Молдавии и сейчас выбирают русский язык; в то же время более 77% предпочитают общение по-молдавски [52]. Вместе с тем увеличение числа сторонников прорумынской ориентации во внешней политике государства привело к тому, что республиканский парламент пошел на уступки националистам, лишил русский язык статуса государственного, но сохранил за ним статус *языка межнационального общения*. Закреплен этот статус 3-й статьей действующего поныне республиканского Закона от 1 сентября 1989 г. № 3465—XI «О функционировании языков на территории Республики Молдова» [8] с поправками Законов от 29 мая 2003 г. № 206—XV (проведенными в жизнь после массовых протестов молдавских националистов, недовольных решением министра образования сделать изучение русского языка обязательным со второго класса [34]) и от 7 апреля 2011 г. № 65. Закон направлен на утверждение принципа билингвизма, поскольку русский язык «используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения» в целях осуществления «реального национально-русского и русско-национального двуязычия», и в этом смысле де-юре вполне соотносится с существовавшей в советской языковой политике идеей языкового плюрализма. Однако республиканская языковая политика колеблется вместе со сменой руководящих политических сил, и если в годы правления коммуниста Владимира Воронина (2001—2009) русский язык свободно использовали в средствах массовой информации, образовании и быту, то с приходом во власть лидера прорумынской Либеральной партии Михая Гимпу (исполнявшего обязанности президента в 2009—2010 гг.) усилилось влияние националистических кругов. В результате в обществе началась дискуссия не только о необходи-

мости ревизии советского республиканского прошлого, но и об уменьшении роли русского языка.

Вместе с тем в **Приднестровской Молдавской Республике**, де-факто независимой от Молдавии, русский язык, согласно 12-й статье Конституции, наделен официальным статусом наряду с молдавским и украинским [18].

Ситуация с русским языком на **Украине** остается наиболее противоречивой. По данным Института Гэллага, в повседневной жизни русскому языку отдают предпочтение 83% жителей страны, в то время как украинский применяют лишь 17% граждан [52]. Русский язык широко представлен в средствах массовой информации, в печати, газетах, на радио и телевидении; велик русскоязычный сектор украинского сегмента Интернета, однако Конституция Украины признает государственный статус только за украинским языком. Действующий и поныне Закон «О языках Украинской ССР» от 28 октября 1989 г., дополненный поправками 1995 и 2003 гг., сохраняет за русским языком статус «языка межнационального общения народов ССР» [11]. 5-я статья Закона содержит положение, согласно которому «гражданин вправе обращаться в государственные, партийные и гражданские органы <...> посредством использования украинского, русского или любого другого языка, приемлемого для сторон», и только на этом правовом основании возможно осуществление делопроизводства на отличном от украинского языке.

Несмотря на более чем 20-летнюю историю обсуждения этого вопроса, политическая элита Украины не решается обновить законодательство сообразно реальной ситуации, опасаясь, что с учетом масштабов использования русского языка последний может вытеснить украинский из публичной сферы. Кроме того, после распада СССР украинский язык стал главным обоснованием проводимой государством политики формирования украинской идентичности как основы государственного суверенитета и независимого по отношению к России положения. Единственным регионом страны, где русский язык имеет особый *региональный статус* [4], является **Автономная Республика Крым**, процент русскоязычного населения которой существенно выше, чем по всей Украине.

При этом важно отметить, что для старшего поколения переход на украинский язык затруднителен, поскольку требует перестройки сформировавшейся системы представлений, однако молодежь все в большей степени оказывается в положении, когда изучение украинского языка становится жизненной необходимостью. Если в 1991 г. русский язык был представлен в 54% украинских школ, а украинский был доступен лишь в 45%, то к 2003 г. баланс изменился

в сторону украинизации образования: 75,1% украинских против 23,9% русскоязычных школ [27]. Данная тенденция развивается, поэтому в среднесрочной и долгосрочной перспективе усиление позиций украинского языка за счет ослабления русского является достаточно вероятным сценарием развития событий. Вместе с тем подобные процессы носят, скорее, характер смены функциональных ролей родного и второго языка, поскольку генетическое и лингвистическое сходство украинского и русского все же позволяет последнему находиться на Украине в более привилегированном положении [13], чем, например, на Кавказе и в Средней Азии, ведь барьер языковой миграции достаточно низок, что служит фактором укрепления русско-украинского билингвизма.

В наиболее выгодном положении на всем постсоветском пространстве русский язык находится в **Белоруссии** — единственной стране СНГ (за исключением России), где он имеет статус не официального, а *государственного*. Это решение было принято по итогам референдума 14 мая 1995 г., инициированного годом ранее президентом Александром Лукашенко, который взял курс на интеграцию с Россией. В пользу придания русскому языку статуса государственного высказались 83,2% проголосовавших [38]. Данное решение нашло закрепление в 17-й статье Конституции страны, согласно которой «государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки» [20]. С того момента государство перестало активно поддерживать белорусский язык (как это было в период с 1991 по 1994 г.), а русский получил наиболее широкое распространение, де-факто существуя на правах первого государственного языка. Белорусское делопроизводство, средства массовой информации, печать, наука, культура и Интернет, включая официальные сайты органов государственной власти, ныне преимущественно представлены именно на русском языке, в то время как белорусский переживает серьезный упадок [25] (сам президент А.Г. Лукашенко не использует его в своих официальных обращениях). В 2008 г. 92% жителей Белоруссии выбрали для повседневного общения русский язык, в то время как белорусский употребляли менее чем 8% граждан, хотя, согласно официальным данным, в рамках школьной программы пассивно им владеют до 2/3 населения республики.

В **Российской Федерации** статус русского языка в качестве государственного закреплен п. 1 68-й статьи Конституции страны, и это в контексте рассмотренного ранее советского опыта серьезно отличает Основной закон современной России от советских аналогов, не имевших подобного положения вплоть до конца «перестройки». Защита русского языка является краеугольным камнем

языковой политики страны, что также находит свое выражение в комплексе нормативных правовых актов федерального значения, регулирующих данный вопрос. Речь идет о действующем Законе Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями, внесенными в декабре 2002 г.) и Федеральном законе Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», конкретизирующих положения 68-й статьи Конституции и указывающих на то, что «защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации». В отличие от других стран постсоветского пространства, Россия не только возлагает на себя ответственность за «функционирование государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации», но и «содействует изучению русского языка за пределами Российской Федерации» [44].

Русский язык входит в перечень обязательных предметов для преподавания в школе (в частности, Единый государственный экзамен по русскому языку является одним из двух базовых выпускных испытаний для всех учащихся), что наряду с гарантируемой 43-й статьей Конституции общеобязательностью бесплатного основного общего школьного образования в России позволяет охватить все население страны. Это способствует тому, что русский язык является родным или, по меньшей мере, вторым для всех граждан [3]. В этом отношении Российская Федерация продолжает заложенную еще в СССР образовательную традицию.

Вместе с тем с формально-юридической точки зрения языковая политика России имеет несколько потенциально уязвимых мест. В частности, Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» не обладает статусом Федерального конституционного закона, а следовательно, менее устойчив к отдельным изменениям в рамках ныне существующей иерархии норм права, как, впрочем, и 68-я статья Конституции, которая не включена в состав глав «Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина», т.е. внесение поправок в нее возможно силами одного лишь Федерального, а не Конституционного Собрания. Кроме того, если «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. [21] содержала положение о том, что «духовное обновление общества невозможно без сохранения роли русского языка как фактора духовного единения народов многонациональной России и языка межгосударственного общения народов государств — участников Содружества

Независимых Государств», то принятая вместо нее «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12 мая 2009 г. [42] аналогичного этому положения не содержит.

* * *

Языковые проблемы в Российской Федерации, конечно, не так остры сегодня, как в некоторых республиках бывшего СССР (Молдавии, Эстонии, Литве, Латвии), тем не менее в современной России, включающей автономные республики и другие национально-государственные образования, сохраняется вероятность возникновения языковых конфликтов (например, в Татарстане). В этой связи, на наш взгляд, в будущем страна встанет перед необходимостью выработки такой национальной и языковой политики, которая максимально обеспечила бы благоприятное функционирование языков многочисленных наций и народностей, населяющих данную территорию.

Эти выводы, однако, в большей степени являются общетеоретическими и опираются на нормативные документы, на практике же в обозримой перспективе коренные изменения языковой политики вряд ли возможны, а значит, Россия и Белоруссия пока остаются единственными государствами постсоветского пространства, в которых русский язык в большей степени защищен с правовой точки зрения.

Остальные участники Содружества Независимых Государств (за исключением Казахстана и Киргизии) — Украина (член СНГ)⁴, Туркмения (ассоциированный член СНГ), а также Грузия и страны Балтии — в своей языковой политике делают преимущественную ставку на построение мононациональных государств, а потому в долгосрочной перспективе возможно снижение роли русского языка как наднационального средства общения жителей стран, ранее входивших в Советский Союз, что, безусловно, требует повышенного внимания к этой проблеме со стороны российских органов государственной власти, культурного и научного сообществ.

Последнее, в частности, все более активно отвечает на этот вызов, что подтверждается возросшим числом публикаций по данной тематике в рамках конференций, посвященных межкультурной и межъязыковой коммуникации (к числу наиболее крупных науч-

⁴ 18 марта 2012 г., накануне визита в Москву, президент Украины Виктор Янукович в эксклюзивном интервью специальному корреспонденту ИТАР-ТАСС заявил о принятии в ближайшее время закона о двух государственных языках — украинском и русском. Если это заявление первого лица государства будет закреплено законодательными актами, то статус русского языка на Украине в скором времени может быть официально изменен.

ных событий последних лет относятся регулярные конференции «Русский язык в странах СНГ: современный статус и перспективы развития» [39]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алхасов Я.* Языковая политика в Азербайджане и содержание обучения русскому языку в азербайджанской школе // Русский язык за рубежом. 2007. Вып. № 6 (205). С. 75—78.

2. *Болдырев В.А.* Итоги переписи населения СССР 1970 года. М.: Статистика, 1974.

3. Всероссийская перепись населения [Офиц. сайт]. URL: <http://pereris-2010.ru/> (дата обращения: 20.02.2011).

4. *Евгеньев Е.* Русский язык добился регионального статуса в Крыму // Российская газета. 2005. 27 мая.

5. *Есаджанян Б.М., Баласанян Л.Г.* Углубленное обучение русскому языку в армянской школе как инновационная педагогическая система // Русский язык за рубежом. 2007. Вып. № 1 (200). С. 92—96.

6. *Жикеева А.Р.* Языковая ситуация Костанайской области Республики Казахстан: билингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2011.

7. *Жуковский И.В.* Говорят ли по-русски в Европе // Русский язык за рубежом. 2006. Вып. № 4 (198). С. 107—109.

8. Закон Молдавской ССР от 1 сентября 1989 г. № 3465-XI «О функционировании языков на территории Республики Молдова» [Электронный ресурс] [2011] // СоюзПравоИнформ [Офиц. сайт]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=3281 (дата обращения: 20.04.2011).

9. Закон «О государственном языке Киргизской Республики» от 12 февраля 2004 г. [Электронный ресурс] [2004] // Право и средства массовой информации [Интернет-портал]. URL: <http://www.medialaw.ru/exussrlaw/1/kg/lang.htm> (дата обращения: 20.02.2011).

10. Закон СССР от 24 апреля 1990 г. «О языках народов СССР» [Электронный ресурс] // Законы и право [Интернет-портал]. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1729> (дата обращения: 19.02.2011).

11. Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки від 28.10.1989 г. № 8312-XI «Про мови в Українській РСР» [Электронный ресурс] // Апарат Верховної Ради України [Офиц. сайт]. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=8312-11> (дата обращения: 20.02.2011).

12. *Ивбуле В.П.* Методика обучения профессиональному общению на русском языке в социокультурных условиях Латвии: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2003.

13. *Исаева Е.А.* Современные подходы к преподаванию литературы в школах с русским языком обучения Украины // Русский язык за рубежом. 2007. Вып. № 3 (202). С. 29—34.

14. *Калинина Е.Н.* Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Н. Новгород, 2007.

15. *Калинина Н.В.* Российская диаспора в странах СНГ: политические аспекты проблемы: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2002.

16. *Киреева И.* Языковая инспекция сделала предупреждение 14 педагогам и директору Ласнамяэской гимназии [Электронный ресурс] [2011] // Информационное агентство ERR [Официальный сайт]. 28.10.2011 г. URL: <http://rus.err.ee/topnews/5ac79469-699e-4753-8568-9c1aa9938100/> (дата обращения: 20.02.2011).
17. Конституция (Сарконуни) Чумхурии Тоҷикистон [Электронный ресурс] [2011] // Президенти Тоҷикистон [Официальный сайт]. URL: <http://www.president.tj/rus/index.htm> (дата обращения: 20.02.2011).
18. Конституция Приднестровской Молдавской Республики (в текущей редакции по состоянию на 10 февраля 2006 г.) [Электронный ресурс] // Закон ПМР [Интернет-портал]. URL: <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=62295> (дата обращения: 20.04.2011).
19. Конституция Республики Абхазия [Электронный ресурс] [2011] // Президент Республики Абхазия [Официальный сайт]. URL: <http://www.abkhaziagov.org/ru/state/sovereignty/> (дата обращения: 20.02.2011).
20. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Belarus.NET [Интернет-портал]. URL: <http://belarus.net/conendru.htm> (дата обращения: 20.02.2011).
21. Концепция национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html> (дата обращения: 12.02.2012).
22. *Костюк М.Е.* Государственная языковая политика и ее роль в механизме обеспечения национальной безопасности России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2011.
23. *Кудоярова Т.В.* Русский язык в современной образовательной среде стран СНГ и Балтии: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2008.
24. *Ленин В.И.* Нужен ли обязательный государственный язык // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 22 / 5-е изд., доп. М.: Политиздат, 1973.
25. *Лисковец И.В.* Русский и белорусский языки в Минске: проблемы билингвизма и отношения к языку: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
26. *Лихачева А.Б.* Русское слово в современной литовской речи // Русский язык за рубежом. 2006. Вып. № 3 (197). С. 67—70.
27. *Малинкович В.* Степень украинизации образования на Украине [Электронный ресурс] // Международный институт гуманитарно-политических исследований [Официальный сайт]. 10.03.2005 г. URL: <http://www.igpi.ru/info/people/malink/1111152776.html> (дата обращения: 20.02.2011).
28. *Моисеенко И.М.* Углубленное изучение РКИ в Эстонии: проблемы и возможности их решения // Русский язык за рубежом. 2008. Вып. № 4 (209). С. 126—128.
29. Народное хозяйство СССР в 1960 году: Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961.
30. Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Финансы и статистика, 1990.
31. *Орехова И.А.* Обучающий потенциал русской среды в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2004.

32. *Орусбаев А.О.* Статус и назначение русского языка в интеграционных процессах стран Содружества // Русский язык за рубежом. 2007. Вып. 1 (200). С. 102—107.

33. *Орусбаев А.О.* Функциональная дистрибуция языков (на материале языковой практики в Киргизии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1991.

34. Под давлением националистов правительство Молдавии отменило обязательное изучение русского языка в школах [Электронный ресурс] // Православное информационное агентство «Русская линия» [Официальный сайт]. 22.02.2002 г. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=1309> (дата обращения: 20.02.2011).

35. Президент Роза Отунбаева принимает участие в Курултае Ассамблеи народа Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Президент Кыргызской Республики [Официальный сайт]. 18.06.2011 г. URL: <http://www.president.kg/ru/posts/4dfc6492f4d552023f000002> (дата обращения: 20.02.2011).

36. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII Съездом КПСС. М.: Госполитиздат, 1961.

37. Проект Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» // Право и СМИ Центральной Азии [Интернет-портал]. URL: <http://medialaw.asia/document/-3048> (дата обращения: 20.04.2011).

38. Республиканский референдум 14 мая 1995 г. [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Официальный сайт]. URL: <http://www.rec.gov.by/refer/ref1995resdoc.html> (дата обращения: 20.02.2011).

39. Русский язык в странах СНГ: современный статус и перспективы развития: Материалы III Международной научно-методической конференции. Ереван: Изд-во РАУ, 2007.

40. *Савченко Г.* Русский язык амнистирован. В Туркменистане начали реформу образования [Электронный ресурс] // Средняя Азия [Интернет-портал]. 06.03.2007 г. URL: <http://www.cainfo.ru/article/mass-media-digest/2943/> (дата обращения: 20.02.2011).

41. *Сталин И.В.* Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И.В. Сочинения: В 13 т. Т. 11. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1949. С. 333—355.

42. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.02.2012).

43. *Туксаитова Р.О.* Билингвистическая ситуация в современном Казахстане // Русский язык за рубежом. 2007. Вып. № 1 (200). С. 97—101.

44. Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Ст. 4. Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации // Российская газета. 2005. 7 июня.

45. *Федосеев П.Н.* XXVI съезд КПСС и актуальные задачи развития общественных наук // Вестник АН СССР. 1981. № 11.

46. *Чибисов О.В.* Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2008.

47. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984.
48. *Шараборова А.А.* Русский язык в странах СНГ: современный статус и перспективы развития // Русский язык за рубежом. 2008. Вып. 1 (206). С. 122—123.
49. *Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976.
50. *Шитлов А.В.* Русский язык в геополитике Киргизской Республики // Русский язык за рубежом. 2007. Вып. № 1 (200). С. 108—115.
51. Dokumendiregister [Регистрация документов] [Электронный ресурс] // Keeleinspeksioon [Языковая инспекция] [Официальный сайт]. URL: <http://www.keeleinsp.ee/?menu=83> (дата обращения: 20.02.2011).
52. Gallup: Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States [Electronic resource] // Gallup [Official website]. August 1, 2008. URL: <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-Language-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx> (accessed: 20.02.2011).
53. Keeleinspeksioon [Языковая инспекция] [Официальный сайт]. URL: <http://www.keeleinsp.ee/> (дата обращения: 20.02.2011).
54. Languages Spoken at Home by Language: 2007 [Electronic resource] // US Census Bureau [Official website]. URL: <http://www.census.gov/compendia/statab/2010/tables/10s0053.pdf> (accessed: 19.02.2011).